

ОТЦЫ ЦЕРКВИ О ПАСТОРСКОМ СЛУЖЕНИИ

Обзор книги Кристофера Билей

Введение

◆ «Один из величайших источников вдохновения современного служителя – труды Отцов церкви. Множество служителей – восточных и западных, протестантских, католических и православных, – на протяжении многих столетий получали водительство и вдохновение из классических трудов о пасторском служении, написанных в период ранней церкви»^[1]. Так начинается своя книга о пасторском служении Кристофер Билей^[2], который одновременно служитель англиканской церкви и специалист в ранневизантийской патристике.

Обращение к отцам церкви – это попытка приобщиться к прошлому опыту и получить исторический фундамент для современного подхода к церковному служению. Это желание переосмыслить привычные методы и понятия и откорректировать способы и приемы пасторского служения, которое сегодня испытывает определенный кризис. Этот кризис связан со многими факторами. Рост числа психологов и чисто психологические методики зачастую привлекают рядовых членов церкви гораздо больше, чем традиционное пасторское душепопечение. А с другой стороны, и сами пасторы часто превращаются в заурядных психологов-любителей, не понимая библейского душепопечения. Такую же картину можно наблюдать и в области церковного руководства. И здесь часть пасторов просто копирует современные теории управления и PR, а часть категорически отрицает их. В такой ситуации опыт прошлого может сыграть большую роль.

Санников Сергей Викторович, доктор богословия, доктор философских наук, пастор церкви ЕХБ, главный редактор альманаха «Богомыслие». ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5549-9820>

Роль и положение пастора

◆ Билей начинает свою книгу с самого главного — с необходимости церкви иметь служителя и с его личности, и посвящает этому две главы своей книги, и только потом он переходит к функциям служителей. Он пишет: «На протяжении истории христиане всегда осознавали, что без пасторов и наставников у церкви не будет ни жизни, ни веры, ни духовного здоровья, ни способности нести Божью миссию в этом мире. Согласно свидетельству Писания, христианской традиции и опыта, Бог устроил церковь так, что она не может существовать без церковного начальства. Ради блага всей общины церковная власть официальноверяется отдельным людям — чаще всего старшему пастору и его помощникам из духовенства и мирян»^[3].

Билей указывает на новозаветное установление поставлять служителей, в частности, пресвитеров и епископов как пастырей стада Божьего, но справедливо отмечает, что до конца II столетия роль и положение церковных служителей практически не освещается в раннехристианских документах. Возможно, это связано с отсутствием устойчивой письменной традиции, но есть предположение, что в раннем христианстве было реальное всеобщее священство и поэтому особая роль служителей не подчеркивалась.

Автор описывает, как поставлялись служители в IV в. словами Августина: «Невозможно представить; чтобы сегодня могло не хватать хороших пастырей. Не может быть, чтобы нам их не хватало, не может быть, чтобы милосердие Божье не порождало и не укрепляло их! Разумеется, если есть хорошие овцы, то есть и хорошие пастыри, потому что хорошие пастыри вырастают из хороших овец».

Здесь Августин говорит о пастырях, исходя из принципа всеобщего священства и указывает на роль пастора-слуги: «Стоящий во главе людей еще до начала своего служения должен понимать, что он слуга многих. И не дайте ему пренебречь этим. Я повторяю, не дайте ему пренебречь

Кристофер Билей

ОТЦЫ ЦЕРКВИ
О ПАСТОРСКОМ СЛУЖЕНИИ

^[1] Кристофер Билей, Отцы церкви о пасторском служении (Черкассы: Коллоквиум, 2012): 6.

^[2] Кристофер Билей, Отцы церкви о пасторском служении (Черкассы: Коллоквиум, 2012). В настоящем обзоре цитаты из трудов раннехристианских богословов (отцов Церкви) приводятся по книге К. Билей без ссылок.

^[3] Там же 10.

служением многим, потому что Господь господ не пренебрег служением нам... Я даю совет и предупреждение, но боюсь и за самого себя!»

Григорий Великий повторил мысль Августина в одном из своих самых знаменитых высказываний: «Епископы — это слуги слуг Божьих». Говоря о слугителе-слуге, К. Билей все же особенно подчеркивает идею пасторской власти и его профессионализма. Он резко критикует представление о том, что служение в церкви можно доверить любому ее члену. Он пишет: «О пасторской власти бытует два общераспространенных заблуждения. Согласно одному, она просто не нужна, и служение в церкви можно доверить любому, даже если он несведущ и неспособен выполнять свою работу. К примеру, в последние десятилетия звучат призывы приобщить к служению всех крещенных; рукоположенным же служителям уступить дорогу другим и передать им свои обязанности; миряне, якобы, могут стать сильными духовными личностями только при слабом или несуществующем духовенстве»^[4].

Другим заблуждением он называет пасторское господство и превозношение. Выход, который он указывает — это рассмотрение пасторского служения как власть слуги, но тут же добавляет и «властное служение». Власть пастора действительно реально существует, но почему этой властью Бог не может наделить рядового члена Церкви, сделав его пастырем, не понятно, и автор, кроме своих собственных рассуждений, не приводит никаких библейских аргументов или аргументов из патристического наследия. Наоборот, далее приводятся цитаты Августина и других служителей той эпохи, которые подчеркивают роль простых мирян. Августин говорил в своих проповедях: «Кем бы мы (духовенство) ни были, не позволяйте себе возлагать на нас свое упование... Я хочу радоваться за вас, а не купаться в ваших похвалах!» или «Неужели вы думаете, что лишь мы, стоящие здесь, провозглашаем Христа, а вы нет?.. Вся церковь проповедует Христа».

Личность пастора

◆ Билей очень правильно подмечает, что в эпоху патристического христианства очень много внимания уделялось формированию личности пастора. Он приводит слова Августина о важности пребывания пастора во Христе: «Все хорошие пастыри находятся в одном Пастыре, они едины. Они кормят овец, а Христос кормит их. Друзья жениха, как видите, не говорят сами, но радуются голосу жениха (см. Ин. 3, 29). Поэтому Он кормит, когда они кормят, и Он говорит: «Я кормлю», потому что в них Его голос, Его любовь в них... Это кормящий Христос, это кормление для Христа, это кормление во Христе, а не кормление самого себя отдельно от Христа... Так да пребудут же все они в одном Пастыре, и говорят одним голосом Пастыря, который овцы могут слышать и идти за ним».

Известная монахиня V ст. Амма (мать) Сара напоминает, что все подвиги нашей христианской жизни, все наши старания в более глубоком смысле

^[4] Там же, 21.

будут подвигами Христа, Господа нашего. Хороший пастор всегда пребывает во Христе, неверный же пастор далек от него. В другой своей проповеди Августин как пастор, честно признавал, что без Христа у него нет власти. «Я кормлю вас тем, чем питаюсь сам. Я просто слуга, я не глава семьи (paterfamilias). Я ставлю перед вами пищу из той кладовой, которой и сам живу, с Господнего склада, с пира домохозяина, который «будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2 Кор. 8, 9)».

Внимание к личности пастора более чем актуально в наши дни, поэтому высказывание отцов Церкви по этому поводу могут многому научить и современного читателя. Билей пишет: «Истинными и верными служителями нас делает некий духовный магнетизм, который исходит не от природных дарований, но от силы Божьей. Истинные служители церкви излучают Божью благодать и святость в своих мыслях, словах и поступках. Поэтому пасторов иногда сравнивают с иконами: они должны служить видимым и осязаемым проявлением Божьей благодати для церкви, чтобы посредством личного примера приводить людей к Христовой любви»^[5].

Папа римский Григорий Великий спрашивает: «Как дерзнет брать на себя ходатайство пред Богом за грехи народа тот, кто не знает и не уверен, заслужил ли он жизнью своею благоволение Божие к себе самому? Или как он будет просить у Него прощения и помилования для других, если не надеется от Него прощения и помилования самому себе?».

А другой Григорий, известный как Богослов (Назианзин) пишет: «Говорить о Боге — великое дело, но гораздо больше — очищать себя для Бога... Учить — дело великое, но учиться — дело безопасное. Для чего представляешь из себя Пастыря, когда ты овца!.. И если о Христе муже (Еф. 4, 13) чувства у тебя обучены (Евр. 5, 14) и ты имеешь ясный свет ведения, то вещай Божию премудрость между совершенными и тайную, сокровенную (1 Кор. 2, 6-7), и притом, когда откроется случай, и будешь на это иметь поручение».

Личным качествам пастора богословы патристического периода уделяли самое пристальное внимание. Папа Григорий Великий писал, что пастор должен быть: «чист в помыслах, подавать пример поведения, быть пронизательным в молчании, полезным в речи, сострадательным соседом для каждого, стремящимся к размышлению о благе других, союзником тем, кто живет в смирении и твердым в праведном рвении против пороков грешников. Он не должен ослаблять заботу о внутренней жизни, когда занят внешними заботами, как и не должен оставлять рассудительности во внешних делах, чтобы сосредоточиться на делах внутренних».

При этом главной добродетелью пастора в тот период считалось смирение. Известный монах Евагрий Понтийский указывал, что среди самых опасных и вредоносных грехов для служителей губительнее всего тщеславие. Больше всего пастор должен избегать самовосхваления и самолюбования. Иоанн Златоуст пишет в том же ключе: чтобы избежать «ужаснейшей

[5] Там же, 39-40.

скалы тщеславия», главной добродетелью христианских священников должно быть смирение, важность которого превосходит лишь вера. По словам Златоуста, смирение есть «мать, корень, кормилица, основание и соединение всего благого» для церковных служителей. А Иероним Стридонский подчеркивал: «блаженство епископа, священника или диакона не в том, что они епископы, священники или диаконы, а в том, что обладают добродетелями, которые подразумеваются их должностью и служением». По мнению знаменитых служителей древности, не университетское образование, а характер и добродетели пастора являются главной составляющей его успешного служения. Григорий Богослов заявляет: «Очищать других могут лишь те, кто очищается сам». К сожалению, так не всегда было в эпоху ранней церкви и так не всегда есть сейчас, и поэтому отцы церкви резко критикуют нерадивых служителей.

Забота о душах

◆ Когда речь идет о служении пастора, то главным приоритетом для него многие ранние богословы считали заботу о душах, или как говорил Григорий Богослов «врачевание душ». Иоанн Златоуст пишет, что наша главная забота о теле Иисуса, или Церкви, состоит в том, чтобы «содержать его в великом благосостоянии и превосходной красоте», делая его достойным Христа — его главы. Это трудная задача, потому что, как продолжает Григорий: «много людей сопротивляется духовному лечению с тем же рвением, с каким они должны были бы приветствовать его. Хоть это и выглядит странно, христиане из лучших побуждений зачастую стремятся избежать врачевания мудрости, хоть это, в конечном счете, и самоубийственно». И далее он заявляет, что люди: «самые хитрые и изменчивые животные и пастор должен уподобиться умелому арфисту, способному играть одновременно на многих струнах, или дирижеру, помогающему нескольким музыкантам с разными инструментами творить прекрасную музыку».

Августин описывает заботу пастора о вверенных ему душах так: «Насущные нужды следует восполнить, малодушных нужно ободрить, слабых — поддержать. Должно опровергать противников евангелия и хранить его от коварных врагов. Надо наставлять дерзких, побуждать ленивых, проверять спорное. Гордых нужно одергивать, отчаянных — поднимать с колен, ссорящихся — примирять. Нуждающемуся нужно помочь, угнетенных — освобождать, добрым воздавать сполна и переносить злых. И всех любить. При всей этой обширной и разнообразной деятельности и выполнении столь разных обязанностей, прошу, окажите мне помощь молитвами и своим повиновением. Так я найду удовольствие не столько в ответе за вас, сколько в пользе для вас».

Чтобы эффективно заботиться о душах, пастор должен прежде всего обладать пронизательностью, т.е. как писал папа Григорий Великий: «должен различить грех и добродетель... так же, как обоняние различает приятный запах и зловоние». Монах V века Иоанн Кассиан описывает пронизатель-

ность как правильное познание и здравое суждение, проливающее свет на все, что мы делаем, наподобие чистого ока, которое служит светильником для тела (Мф. 6, 22-23). Проницательность – своего рода чуткость к голосу Святого Духа, направляющего наши пасторские мысли и поступки. Она похожа на здравый смысл и практическую мудрость, помогает правильно построить и наполнить дом всяким полезным имуществом (Притч. 24, 3-4). Давая нам возможность различать добро и зло (Евр. 5, 14), проницательность – «мать, руководитель и страж всех добродетелей», – говорит Кассиан.

Одно из главных достоинств пасторской проницательности в том, что она помогает избегать крайностей в христианской жизни и духовном руководстве. В связи с этим папа Григорий Великий напоминает: «Мы должны умело все соотносить; чтобы руководя в смирении, мы не ослабили должного руководства. Пусть же у нас будет любовь, которая не ослабляет, уверенность, которая не раздражает, ревность умеренная и обузданная и благость, которая жалеет, но не более, чем подобает».

Всестороннее пасторское руководство обязательно будет связано с указанием пастве на их грехи, призывом к покаянию, выслушиванием их исповедей и принятием их покаяния. Служение, в котором нет места для покаяния людей, считали отцы Церкви – неполное и даже жестокое, поскольку люди остаются в том же состоянии, со своими изнуряющими привычками. При этом надо понимать, что исцеление от грехов дает только Христос. Августин пишет об этом так: «Христос – и врач, и лекарство. Когда мы пали из-за гордости, Премудрость употребила смирение для нашего исцеления; когда мы были обмануты хитростью змея, Премудрость освободила нас немудрым Божиим и уврачевала наши болезни добродетелями Христа. Премудрость применила и подобные средства, исцелив людей тем, что стала человеком и победив смертью смерть. Таковы средства «врачебницы христианской», употребленные Христом для нашего исцеления».

Библейское познание и служение слова

◆ Второе по приоритету место в успешном служении пастора, по мнению богословов патристического периода, занимают библейские и богословские познания и в первую очередь знание Священного Писания. Августин пишет, что «канон Писания поставлен на вершине власти для нашего спасения. Когда человек способный читает его, оно оказывает свое влияние, так что он перенимает стиль Писания». И потому, продолжает Августин, епископы и священники, прежде всего, – «истолкователи и учителя божественных писаний». Учение Писания должно стоять выше любого религиозного опыта, полученного через видения, сны или чудесные происшествия. Все это ведет человека к познанию Бога, явленного в Библии. Папа Григорий Великий указывает, что опытные духовные наставники могут достойно совершать свое служение, только если они «ежедневно в страхе и любви размышляют о заповедях священного слова, вдохновленного Духом».

Многие отцы Церкви указывали, что важно не только знать Священное Писание, но и правильно истолковывать его по Духу, а не только по букве. Августин хорошо выразил главную идею духовного истолкования: «Мудрее человек говорит тогда, когда достиг истинных успехов в познании Св. Писания, то есть не в одном только чтении и заучивании его на память, но в добром разумении и в тщательном изыскании смысла его... сердце оного — дух — ясно созерцают очами собственного сердца». Билей пишет: «Духовный рост человека благодаря исследованию Писания не измеряется количеством прочитанного или заученного наизусть материала, поскольку важны не сами слова, а насколько глубоко человек проникся их содержанием». По словам Оригена, цель христианского истолкования Библии состоит не в том, чтобы просто запомнить буквально сказанное в ней, а в том, чтобы менять мышление и преобразовать церковь и отдельных людей через познание Бога и любовь к Нему. Однако, духовное значение Писания не противоречит буквальному смыслу, а дополняет и раскрывает его. Григорий Богослов подытоживает: «Ничто так не прекрасно для Бога, как чистое учение и душа, которая усовершенствовалась в учениях истины». Богословы патристического периода считали, что главным является учение о Троице. Григорий Назианзин как раз получил титул Богослов из-за своего четкого изложения многих богословских истин, но в первую очередь из-за учения о Троице. Он дал прекрасное и поэтическое описание Троицы в своем пятом Слове о богословии: ««Был Свет истинный; который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:9) — Отец. «Был свет истинный; который просвещает всякого человека, приходящего в мир» — Сын. «Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир» — другой Утешитель. Был, и был, и был, но был едино. Свет, и Свет, и Свет, но единый Свет, единый Бог. То же самое еще прежде представил и Давид, сказав: «Во свете Твоем мы видим свет» (Пс. 35:10). И мы ныне увидели и проповедуем краткое, ни в чем не излишествующее богословие Троицы, от Света — Отца приняв Свет — Сына во Свете — Дух».

Кристофер Билей указывает, что «Идея первостепенности ортодоксального учения пронизывает всю раннюю христианскую литературу от Игнатия Антиохийского в начале второго века до Августина в пятом столетии. Как отмечает Григорий, епископ верен тогда, когда он «благими семенами и учениями благочестия возделал и воздвигает целый мир»^[6]. Это учение следует нести своим слушателям в проповеди, источник которой Дух Святой и Священное Писание. Иоанн Златоуст кратко высказывает эту мысль так: «Источник хорошей проповеди — не природные дарования или вдохновение свыше, а скрупулезное исследование». По мнению Златоуста, хотя хороший проповедник во время проповеди предает себя Святому Духу, при ее подготовке он тратит много времени на изучение Писания и других материалов. Августин добавляет: «Считать, что усердное исследование каким-то образом противостоит вдохновению Святого Духа, — огромное заблуждение».

^[6] Там же, 121.

Важнейшее дело пастора — это служение словом. Григорий Богослов говорил: «Прежде всего, нам следует проповедовать слово», чтобы таким образом мы укрепляли бы сердца в вере. Августин говорит о Слове Божьем, сравнивая его с евхаристией: «Когда я толкую вам священное Писание, это то же, что преломлять вам хлеб. Со своей стороны, принимайте его всем сердцем и воздавайте хвалу Богу». Итак, главное в пасторском служении — питать Божью паству словом, укрепляющим сердца и побуждающим их к прославлению Бога. Афанасий Александрийский говорил: «Народ ожидает, что предложишь ему пищу — учение Писаний. Посему, когда ожидающие томятся голодом, а ты будешь питать себя одного, и придет Господь наш Иисус Христос, мы же предстанем пред Ним, — какое будешь иметь оправдание в том, что голодными увидит Он собственных овец Своих?»

Отцы Церкви были очень требовательны к качеству проповеди. Папа Григорий Великий предупреждал: «духовные наставники должны остерегаться не только неправильных слов, но и правильных, когда они слишком часто повторяются или искажаются безвкусицей. Сила сказанного часто теряется, когда она ослаблена в сердцах слушающих, из-за того что речь была торопливая или небрежная?» И далее он продолжает: «Священник — это глашатай, и повсюду, куда бы он ни пошел, он возвещает приближение строгого Судьи. Поэтому если священник не знает, как проповедовать, то на что же похожа весть этого молчаливого глашатая?» Августин также много внимания уделял качеству проповеди и говорил: «Христианский учитель и истолкователь Св. Писания, защитник правой веры и гонитель заблуждения обязан, с одной стороны, учить добру, с другой — отучать от худого; обязан в своих поучениях примирять противных, возбуждать слабых, внушать невеждам, что они должны делать и на что надеяться».

Чтобы достичь этих результатов, требуется прилежание и большой труд, и достичь этого непросто, поэтому Августин напоминает: «Пасторы должны говорить, чтобы их поняли — не просто, чтобы высказать свои мысли, и еще менее для того, чтобы показать свою образованность. Их задача — передать истину об Иисусе Христе другим так, чтобы она могла быть услышана и принята. Хороший проповедник делает все для достижения этой цели, устраняя из проповеди то, что мешает пониманию: незнакомые термины и т. п. А раз люди не имеют возможности просить разъяснения во время проповеди, мы должны сделать все необходимое, чтобы они поняли сказанное нами». Хорошего проповедника можно узнать по ясности мысли и речи. Надо говорить понятно, ведь если человек не поймет проповедь, он не сможет ее принять.

Проповедь, по мнению выдающихся богословов древности, должна быть не только содержательной, но и яркой, красноречивой. Августин писал: «Не следует проповедовать все время одинаково, проповедуем ли мы вероучение, наставление в воздержании, обсуждаем ли вопросы справедливости или побуждаем людей быть прилежными в том, что они делают. Как видно из Писания, мы должны действовать по обстоятельствам и

делать все возможное со своей стороны. Проповедь наша не должна быть длинной, но и не должна быть слишком короткой: нельзя, чтобы она оставляла неприятное чувство или мысли о небрежности и невнимании. Речь наша должна быть чистой, простой, ясной и недвусмысленной, полной значимости и достоинства, не затрудняющей своей изысканностью и не лишенной легкого обращения... Следует остерегаться шуток, даже когда мы рассказываем истории, чтобы они не отвлекали людей от понимания более важной и глубокой мысли, которую мы стараемся донести... Что же касается голоса, то самое важное, чтобы он был четким и ясным... Задача не в том, чтобы выражаться театрально, а чтобы соблюдать ритм, подходящий для беседы о тайнах».

Но главное назначение проповеди — убедить слушателей Словом Истины. Даже самое истинное и самое ясное учение бесполезно, если человек не приближается к Богу.

Августин мастерски описывает воздействие пасторской проповеди следующим образом: «Нравишься им, если говоришь приятно; убеждаешь, если заставляешь любить то, что обещаешь, бояться того, чем угрожаешь, ненавидеть то, в чем укоряешь, принимать то, что одобряешь, скорбеть там, где ты возбуждаешь скорбь, радоваться тогда, когда благовествуешь радость, сожалеть о тех, кого представляешь достойными сожаления, убегать от тех, от кого советуешь с ужасом отвращаться, и вообще, когда употребляешь все другие средства возвышенного рода красноречия, возбуждающие души наставляемых не для того, чтобы они знали, что должны делать, но для того, чтобы делом подтверждали то, во что уверовали».

И заключает: «Лучше говорить мудро то, чего не умеем сказать красноречиво, нежели говорить красноречиво то, чего не умеем сказать мудро».

Заключение

◆ Книга Кристофера Билей полезна современному евангельскому сообществу прежде всего тем, что приобщает к широкой христианской традиции и показывает, что посвященные Богу служители были во все времена и что в патристический период дети Божьи сталкивались с теми же проблемами, что и современные христиане. Читая древние строчки, пасторы XXI в. начинают понимать, что их радости и печали не новые и не уникальные. Их коллеги полторы тысячи лет назад переживали аналогичные чувства и задавались похожими вопросами. И здесь важно отметить не то, что нет ничего нового под луной, а то, что мы входим в труд домостроительства Церкви Христовой, который длится многие столетия, и нам надо быть достойными продолжателями пасторского служения Апостолов, пророков, так называемых отцов Церкви и неисчислимого сонма святых служителей и рабов Божиих.